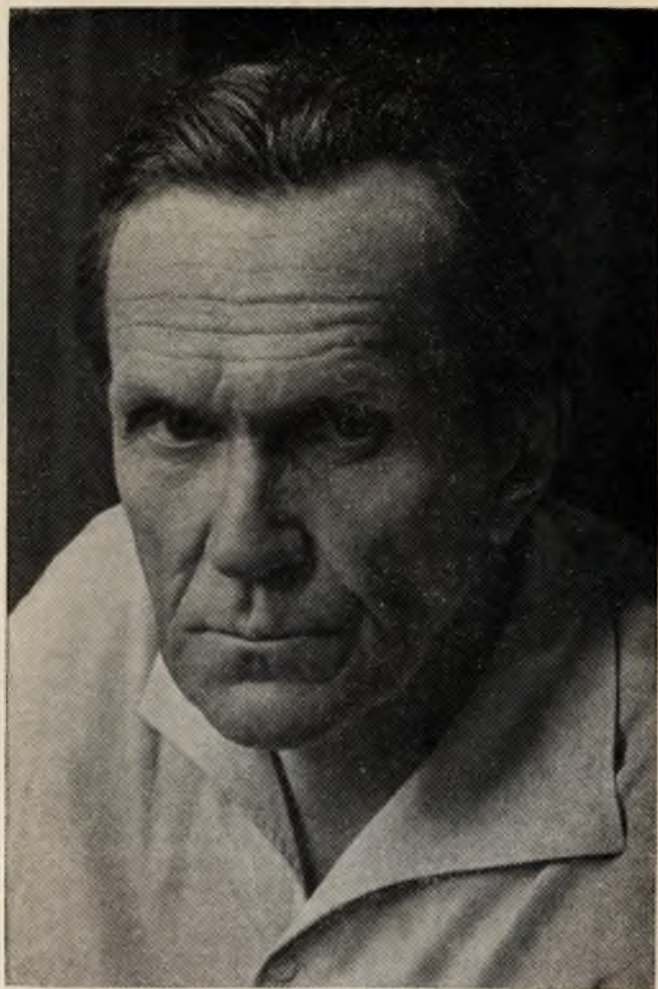

1277828

**ВАРЛАМ
ШАЛАМОВ**

**ТОЧКА
КИПЕНИЯ**

**ВАРЛАМ
ШАЛАМОВ**

**ТОЧКА
КИПЕНИЯ**

СТИХИ

KI 1277828

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1977**

Варлам Тихонович Шаламов принадлежит к старшему поколению советских поэтов. Ему всегда была особенно близка тема человеческого умения, мастерства,— и в новой книге поэта читатель найдет немало стихотворений, связанных с этой темой. Здесь же — стихи о природе, она для В. Шаламова — живая собеседница человека, соучастница его радостей и тревог. В ряде произведений автор обращается к прошлому, к традициям мировой культуры.

© Издательство «Советский писатель», 1977 г.
Стихи, отмеченные в содержании звездочкой,
публиковались до 27 мая 1973 г.

СТЕКЛОДУВЫ

**Неуспокоенная лава
Текла, как будто солнце жгло,
И был песок вконец расплавлен
И превращен жарой в стекло.**

**Вся масса стынет постепенно,
Она до дна раскалена,
И ярко вспыхивает пена,
И загорается волна.**

**И чайка прикоснулась клювом
К зеленой выгнутой волне,
И чайка стала стеклодувом,
Подручной оказалась мне.**

**В который раз мы верим чуду
И рады выдать за свое
И груды облачной посуды,
И неба синее литье.**

Уступаю дорогу цветам,
Что шагают за мной по пятам,

Настигают в любом краю,
В преисподней или в раю.

Пусть цветы защищают меня
От превратностей каждого дня.

Как растительный тонкий покров,
Состоящий из мхов и цветов,

Как растительный тонкий покров,
Я к ответу за землю готов.

И цветов разукрашенный щит
Мне надежней любых защит

В светлом царстве растений, где я —
Тоже чей-то отряд и семья.

На полях у цветов полевых
Замечанья оставил мой стих.

* * *

**Московская толчея —
Природа особого рода —
Она и моя и ничья,
Особого рода свобода.**

**Она — синоним тишины:
Как будто лечебной ружью
В жилы мои введены
Микроэлементы покоя.**

**Московская толчея
Морскому прибою подобна,
Она и моя, и ничья,
И очень для жизни удобна.**

★ ★ ★

Как мало струн! И как невелика
Земная часть рояля или скрипки,
Но это то, что нас ведет века,
Что учит нас и гневу и улыбке.

Ведь сердце бесконечно, как клавир,
Тот самый строй, куда сумел вместиться
И прошлого и будущего мир,
Трепещущий, как пойманная птица.

И связь искусства с миром так тонка,
Тонка, и все же так неоспорима.
Прикосновенье легче мотылька,
И удаление торопливей дыма.

ЖИВОПИСЬ

**Портрет — это спор, диспут,
Не жалоба, а диалог.
Сражение двух разных истин.
Боренье кистей и строк.**

**Потоком, где рифмы — краски,
Где каждый Малявин — Шопен.
Где страсть, не боясь огласки,
Разрушила чей-то плен.**

**В сравненье с любым пейзажем,
Где исповедь — в тишине,
В портрете варятся заживо,
На странной горят войне.**

**Портрет — это спор с героем,
Разгадка его лица.
Спор кажется нам игрою,
А кисть — тяжелей свинца.**

**Уже кистенем, не кистью
С размаха художник бьет.
Сражение двух разных истин.
Двух судеб холодный пот.**

**В другую, чужую душу,
В мучительство суеты**

**Художник на час погружен,
В чужие чьи-то черты.**

**Кому этот час на пользу!
Художнику ли! Холсту!
Герою холста! Не бойся
Шагнуть в темноту, в прямоту.**

**И ночью, прогнав улыбку,
С холстом один на один,
Он ищет свою ошибку
И свет или след седин.**

**Портрет это или маска —
Не знает никто, пока
Свое не сказала краска
У выбеленного виска.**

* * *

**Я поставил цель простую:
Шелестеть как листопад,
Пусть частично вхолостую,
Наугад и невпопад.**

**Я такой задался целью:
Беспрерывно шелестеть,
Шелестеть ледяной метелью,
Ледяные песни петь.**

**Я пустился в путь бумажный,
Шелестя, как листопад,
Осторожный и отважный,
Заменяя людям сад.**

**И словарь ударений
Под рукой моей всегда,
Не для словоговорений
Шелестит моя вода.**

НАД СТАРЫМИ ТЕТРАДЯМИ

**Выгорает бумага,
Обращаются в пыль
Гордость, воля, отвага,
Сила, сказка и быль,**

**Радость точного слова,
Завершенье труда.
Распылиться готова
И пропасть без следа.**

**Сколько было забыто
На коротком веку,
Сколько грозных событий
Сотрясало строку...**

**А тетрадка хранила
Столько бед, столько лет...
Выгорают чернила,
Попадая на свет**

**Вытекающей кровью
Из слабеющих вен:
Страстью, гневом, любовью,
Обращенными в тлен.**

* * *

Не чеканка — литье
Этой медной монеты,
Осень царство свое
Откупила у лета.
По дешевке кусты
Распродав на опушке,
Нам сухие листья
Набивает в подушки.
И, крошась как песок,
На бульвар вытекает,
Пылью вьется у ног
И ничем не блистает.
Все сдувают ветра
На манер завещанья,
Наступает пора
Перемен и прощанья.

* * *

Стоял я тихо возле скал,
И трепетали скалы,
На фоне шумов выделял
Полезные сигналы.
Сигналы складывал в стихи
С завидным постоянством.
И, осторожны и глухи,
Стихи ползли в пространство.
Математический расчет,
Неточный и непрочный,
Меня по-прежнему влечет
Своим путем порочным.
В тот самый край, где возле скал
Я подменял Атланта,
Где утром солнце я поймал
В глазок секстанта.

ЛЕЧЕБНЫЙ МЕТОД

**Мой метод подсказан тайгою,
Написан тайгою глухою
Фармакологический свод.**

**Земная лесная малина
Заменит кусок аспирина
И тело мое разожжет.**

**Над раной колдую люблю,
Колдую с пучком зверобоя
В умелых, надежных руках.**

**Как лучшее средство от страха —
С медведя сдираю рубаху,
И тем изгоняется страх.**

**А если особенно жарко,
Хлебаю брусничной заварки,
Отлично сбивающей жар.**

**Гоню ревматизма ломоты,
Тружусь до целебного пота
И банный приветствую пар.**

**Я знаю попытки Галена
Бежать из таежного плена
В науку больших городов,**

**Я этим попыткам не верю,
Храню свои тайные двери
И тайны звериных следов,**

**Земных и зеленых растений
Их зимние темные тени
Храню, берегу без труда**

**Учил синантропа приемы,
Как надо лечить переломы,
Как каплет живая вода.**

**Обучен глухою тайгою,
Шагаю московской тропею.
Кошу на московском лугу.**

**Последний стакан допиваю
Таежного горького чаю,
Таежную честь берегу.**

ЗАМЕТКИ ОБ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ

**Я читаю газеты —
Образованный лось.
Вести с целого света
Мне свести привелось.**

**Чуть не каждое утро
Изучаю прогноз:
Как дела лесотундры,
Биогеоценоз!**

**Почерк странного края
Изучил я легко,
Где от ада до рая
Уж не так далеко.**

**Там холодного пресса
Невысоких небес
Возле карлика леса
Нависает компресс.**

**Слишком коротко лето,
Бесконечна зима,
Всех дороже на свете
Там лесная кайма.**

**Ибо тундра — ранима!
Тонок жизненный слой.**

Раны — непоправимы,
Резки холод и зной.

Там прогнозом эрозий
Угрожает весна.
И в опасном прогнозе
Там весна — не одна.

Там бывает, что трактор,
Заготовщиком дров,—
Неожиданный автор
Буревых катастроф.

Обнаженные жилы
Вековечного льда
Рвутся солнечной силой —
И приходит беда.

Не беда — катастрофа,
Эрозийный процесс,
И библейские строфы
Учит заново лес.

Миллионы оленей,
Ибо тундра — щедра!
И в утиных селеньях
Тучи пуха, пера.

Драгоценность реликта —
Легендарный глухарь
Скачет прямо на пихту
И токует как царь.

**В вымирающей птице,
Обходящей людей,
Много тайны таится
Темных тундровых дней.**

.

**Сбережем этот нежный,
Этот жизненный слой,
Скрытый корочкой снежной
Над застывшей землей.**

* * *

**Ветер по насту метет семена.
Ветер как буря и как война,**

**Горбится, гнется, колеблется наст:
Этих семян никому не отдаст.**

**Девственниц-лиственниц семена.
Неоплодотворенная тишина.**

**Что из того, что явилась весна,
Лиственниц этих лишая сна!..**

★ ★ ★

Тайга — молчаливица от века
И рада быть глухонемой.
Она не любит человека
И не зовет к себе домой.

Ей благозвучней вопли сычьи,
Чем нарушающее сон
Крикливое косноязычье
Всех человеческих племен.

Но если голосом ребенка
Попросят помощи у ней,
Она тотчас бежит вдогонку
И будет матери нежней.

Она заманит чудесами,
Грозы покажет фейерверк
И птиц над черными лесами,
Шутя, подбрасывает вверх.

Раскрашенные безделушки
Цветов качает на лугу,
У ней и камни — погремушки,
Алмазы брошены в снегу.

**И эти знаки, эти жесты
И дружелюбие немоты
Покажут истинное место
Моей ребяческой мечты.**

* * *

**Я выходил на чистый воздух
И возводил глаза горе,
Чтоб разобраться в наших звездах,
Предельно ясных в январе.**

**Я разгадал загадку эту.
Я иероглифы постиг,
Творенье звездного поэта
Я перевел на наш язык.**

**Все записал я на коряге,
На замороженной коре,
Со мною не было бумаги
В том позабытом январе.**

★ ★ ★

**Дым — это юрта!
Дым — это дом!
Ясное утро
В крае седом.**

**Падает иней,
Кончен полет.
Призрачно сини
Небо и лед.**

**Речка и ветер.
Стынет река.
Резче на свете
Нет языка.**

КАРТОГРАФ

**Картограф выбрался на гору,
Ночные звезды шевеля,—
На высоту свою, с которой
Чужою выглядит земля.**

**Картограф горы ловит в клетку,
Он землю ловко захлестнет
Географической сеткой
Меридианов и широт.**

**Затем, чтобы магнитным ухом
Прослушать внутренность земли,
Ей распороть бурами брюхо,
Сюда разведчики пришли.**

**Придут небритые мужчины
На этот меченый простор,
Чтоб стали резкими морщины
На потемневших лицах гор.**

**Он у ветров тайги учился
Деревьям косы заплетать,
Он мясом с птицами делился
И ястребов учил летать.**

**Он у ручьев в грозу с дороги
Большие камни убирал,**

Чтоб не сломать о камни ноги
Ручьям, бегущим возле скал.

Он добирался до истоков,
Где открывает ключ реку,
Чтобы сна лилась потоком
И к морю вынесла строку...

Земля поставлена на карту
И перестала быть землей,
Она лежит на школьной парте,
Не узнаваемая мной.

* * *

Как сердечный больной,
Для словесности
Я живу тишиной
Неизвестности.

Круг вращают земной
Поколения.
Мое время — со мной!
Без сомнения.

ЛУНОХОД

**Катится луноход,
Шагает по вселенной.
По кратеру ползет
Измеренной Селены.**

**Безвестен, кто создал
Колесное движенье,
Кто мир завоевал
В круженье и вращенье.**

**В раскопках ранних лет
Любых цивилизаций
Колесный виден след
Любых племен и наций.**

**Не Рим и Ренессанс —
Неандертальский практик
Имеет верный шанс
Попасть в музей галактик.**

**Эмблема всех эмблем,
Стариннейшая тема,
Поэма всех поэм —
Колесная поэма.**

**Здесь символ и обряд
Всех мировых вопросов,
Надежный аппарат,
Что послан нами в космос.**

**Гончарный идеал —
Орудье работы,
Эмблемой мира стал,
На лунный кратер встал,
Как свет людской отваги.**

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИКБЕЗЕ

**Он — черно-белый, мой букварь,
Букварь моей судьбы:
«Рабы — не мы. Мы — не рабы» —
Вот весь его словарь.**

**Не мягкий ход полутонов:
«Уа, уа, уа» —
А обновления основ
Железные слова.**

**Я сам, мальчишка-педагог,
Сижу среди старух,
Старухам поднимаю дух,
Хоть не пророк, не бог.**

**Я повторяю, я учу,
Кричу, шепчу, ворчу,
По книге кулаком стучу,
Во тьме свечой свечу.**

**Я занимаюсь — сутки прочь!
Не ангел не святой,
Хочу хоть чем-нибудь помочь
В сражение с темнотой.**

**Я ликвидатор вечной тьмы,
В моих руках — букварь:**

**«Мы — не рабы. Рабы — не мы».
Букварь и сам — фонарь.**

**Сраженье с «чрез», и «из», и «без»,
Рассеянных окрест.
И называется «ликбез»,
Где Маша кашу ест.**

**И тихо слушает весь класс
Мне важный самому
Знакомый горестный рассказ —
Герасим и Муму.**

**Я прsverяю свой урок
И ставлю балл судьбе,
Двухбалльной системой мог
Отметку дать себе.**

**Себе я ставлю «уд» и «плюс»
Хотя бы потому,
Что силой вдохновенья муз
Разрушу эту тьму.**

**Людей из вековой тюрьмы
Веду лучом к лучу:
«Мы — не рабы. Рабы — не мы».
Вот все, что я хочу.**

ПОВОРОТ СИБИРСКИХ РЕК

**Славно озеро Байкал —
Заповедник с баргузином,
Что музеем мира стал
С гидрографией единой.**

**Но еще важней канал,
Что пройдет в Сибири вскоре,
Что разрежет минерал,
Орошая плоскогорье.**

**Обь, Иртыш и Енисей —
Каждый пущен в неизвестность,
Вниз плывут, как Одиссей,
В небывалую окрестность.**

**Клинья — Обь, Иртыш, Тобол
Закрепляются недаром;
Плоскогорье — это стол
Будущего хлебодача.**

**Точно вычислен уклон —
Угол водного паденья,
Весь сибирский регион
Взят давно под наблюденье.**

**Вероятно, Геркулес,
Если веру дать поэмам,**

**Проявил бы интерес
К нашим нынешним проблемам.**

**Землеройный наш снаряд —
Не лопата штыковая,
С Геркулесом станет в ряд
Гидротехника живая.**

**Колоссален поворот
Мифологии Вселенной.
Видя водный оборот,
Фауст встал бы на колени.**

**Фауста вторую часть
Мы допишем в Казахстане,
Чья ухватка, сила, власть
Для веков примером станет.**

**Силу трех сибирских рек —
Иртыша, Оби, Тобола —
Сводит вместе человек,—
Фаустическая школа!**

**Современность — суть и свет,
Нерв проблем любой поэмы,
И в твоих руках, поэт,
Эхо современной темы.**

**Ты минутней всех газет,
Всяких радио и теле,
Отражен Вселенной свет
Навсегда в душе и теле.**

**Не пророчества поток,
А тончайшая отдача,
Мозга каждый завиток
Напряжен такой задачей.**

ИНДИГИРКА

**Круговым пылало солнце светом
Индигирским, Оймяконским летом.**

**Все, что пряталось, таилось и молчало,—
Полной жизнью вдруг затрепетало.**

**Показались в том ущелье узком
Незадолго до николаы трясогузки.**

**Гусь-пискун и белолобая казарка
Прилегли под каменную арку.**

**И бекас в манере вертолета
Вверх взмывал, в небесные высоты.**

**Клекотали, клекотали куропатки
В Барагонском лиственном распадке.**

**Дятла, дятла слышалось жужжанье,
Лошадей залиvistое ржанье.**

**В поединки там вступали турухтаны
И ныряли черные турпаны,**

**В отмелях на солнце грелись щуки,
Ставя тело вдоль речной излуки.**

**Проплыла рыжеголовая гагара,
Прячась в воду близ деревьев старых,**

**И над царством птичьим и звериным
Звон и визг держался комариный.**

**И над этим торжищем бессонным
Я в кустах стоял с магнитофоном.**

**Записал все звуки для науки,
Даже те, что издавали щуки.**

ТОПОР

Орудие добра и зла,
Топор — древнее, чем пила,
И не прошла еще пора
Для тайной силы топора.

Кладется на ночь на порог,
Чтоб жизнь хозяина берег,
Чтоб отогнал топор врага,
Пока свирепствует пурга.

Но если им срубили гроб
Для жителя якутских троп,
Оленьих трактов, лайд, озер,—
В куски ломаем мы топор —
Даем нечистому отпор.

★ ★ ★

**Весь гербарий моей страны
На ладонях лежит тишины.**

**Все лишайники, корни, мхи,
Не записанные в стихи.**

**Здесь не властны ничьи снега,
Здесь рассыпаны жемчуга.**

**Рассыпает моя роса
Незатейливые чудеса.**

АМУНДСЕНУ

Дневники твои — как пеленг,
Чтоб уверенный полет
К берегам любых Америк
Обеспечивал пилот.

Это — не руины Рима,
А слетающий с пера
Свежий, горький запах дыма
Путеводного костра.

Это — вымысла границы,
Это — свежие следы
По пути за синей птицей,
Залетающей во льды.

Мир, что кажется все чаще
Не музейной тишиной,
А живой, живущей чащей,
Неизвестностью лесной.

ГНЕЗДО ОРЛИЦЫ

**Гнездо твое не свито,
И не утеплено,
И веточками быта
Не переплетено.**

**Твои хоромы тесны,
Холодны и жестки
В вершинах скал отвесных
У берега реки.**

**Средь каменных расселин,
Обвитых лентой льда,
Куда не может зелень
Взобраться никогда,—**

**Твое гнездо, квартира,
Откуда видишь ты
Не меньше чем полмира
С надменной высоты.**

**Ты греешь камень мертвый
Своим живым теплом.
И когти твои стерты
Об острый камнелом.**

* * *

Мне снова жажда вяжет губы
В сухом снегу,
Где белый свет играет в трубы
Во всю выюгу.

И наст горит под скользкой лыжей,
Дымится снег.
Огонь все ближе, ближе, ближе,
И вот — ночлег.

И, ставя обе лыжи стоймя
К венцу избы,
Я постучу в окно спокойно
Рукой судьбы.

* * *

Не суеверием весны
Я тронул северные сны,
Те отпечатки старины,
Где откровенья мне даны
И с веком соединены
Среди полночной тишины.
Тем сновиденьям не бывать!
Не потрясти мою кровать,
Меня с кровати не сорвать!
Да будет мне всегда легка
Неосторожная рука,
Звонящая в звонок стиха,—
Резка, разумна и гулка.

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой,

И, чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

Л. Т.

Стихи — это боль, и защита от боли,
И — если возможно! — игра.
Бубенчики пляшут зимой в чистом поле,
На кончике пляшут пера.

Стихи — это боль и целительный пластырь,
Каким утишается боль,
Каким утешает мгновенно лекарство —
Его чудодейственна роль.

Стихи — это боль, это скорая помощь,
Чужие, свои — все равно,
Аптекарь шагает от дома до дома,
Под каждое ходит окно.

Стихи — это тот дополнительный градус
Любых человеческих страстей,
Каким накаляется проза на радость
Хранителей детских затей.

Рецептом ли модным, рецептом старинным
Фармакологических книг,
Стихи — как таблетка нитроглицерина,
Положенная под язык.

**Среди всевозможных разрывов и бедствий
С облаткой дежурит поэт.
Стихи — это просто подручное средство,
Индивидуальный пакет.**

ВИКТОРУ ГЮГО

**В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.**

**Ты — мальчик на церковном клиресе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя!**

**Пусть так. В волненьях поколения
Ты — символ доброго всегда,
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.**

★ ★ ★

Читать стихи, сбиваться с шага
При громе гроз,
Чтоб ярко вспыхнула бумага
От жгучих слез.
От слез, какими плакать можно
В высокий час,
Где исповедуют неложно
И малых нас.

Стулья — ненужная мебель,
Даже под ангельский гул
Ни на земле, ни на небе
Я не потребую стул.

Вовсе ненужный для тела
Мебельный агрегат
Пущен не может быть в дело,
Рай перед ним или ад.

Не подсказали ни строчки
Стулья натуре моей.
Даже Сизифовы бочки
Были мне краше, важней.

Жизнь свою выслушав стоя,
Я не присел ни на час,
Чтоб отдохнуть после боя,
Чтоб рассчитаться с судьбою
Без аллегорий и фраз.

★ ★ ★

Я вызываю сон любой,
С любой сражаюсь тенью,
С любой судьбой вступаю в бой
В моем ночном сраженьи.

О будущем своем молчу,
Далек от предсказаний,
Я дятлом в памяти стучу,
Чту дятла показанья.

Небрежный почерк на коре —
Зарубки и засечки —
Под стать моей ночной игре,
Танцующей от печки,

От печки детства моего —
Печурочки железной,
Где все — и грусть и торжество,—
Все для меня полезно.

* * *

**Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.**

**Каждый, кто к ней приближался,
Маме ангелом казался.**

**И, живя во время оно,
Говорить по телефону**

**Моя мама не умела:
Задышалась и робела.**

**Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.**

**Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.**

**Как Христос, я вымыл ноги
Маме — пыльные с дороги,**

**Застеснялась моя мама —
Не была героем драмы.**

**И, проехавши полмира,
За порог своей квартиры**

**Моя мама не шагала.
Ложь людей ее пугала.**

**Мамин мир был очень узкий,
Очень узкий, очень русский.**

**Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной**

**Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.**

**И в наряде похоронном
Мама в гроб легла Самсоном —**

**Выше всех казалась мама,
Спину выпрямив упрямо,**

**Позвочник свой расправя,
Суету земле оставя.**

**Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,**

**Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной...**

**Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка.**

★ ★ ★

Мизантропического склада
Моя натура. Я привык
Удар судьбы встречать как надо,
Под крепкою защитой книг.

И всевозможнейшие скидки
Несовершенству бытия
Я делал с искренней улыбкой,
Зане — весь мир жил так, как я.

Но оказалось — путь познанья
И нервы книжного червя
Покрепче бури мирозданья,
Черты грядущего лова.

* * *

**Где роса, что рукою сотру
С лепестков охлажденных цветов,
Где мельчайшая дрожь поутру
Всей листвы, всей травы, всех кустов!
Надо вычерпать слово до дна.
Разве в сказке заделана течь,
Чтоб плыла, словно лодка, она,
Где теченье — река или речь...**

* * *

Он многословен, как Гомер,
Тот ледоход,
Ни в чем, ни в чем не знает мер
Бегущий лед.

И в солнце чувствует врага
Разбитый лед.
И с хриплым стоном в берега
Он бьет.

И льдины, как стада свиней,
Бегут на юг,
Несут цвета полярных дней,
Заметы вьюг.

Их размывает дождь — не снег,
Знакомый им,
И этот снег они навек
Сочли своим.

Но льдинкам к морю не дойти,
Как ни ворчи,—
Их всех растопят на пути
Лучей лучи.

★ ★ ★

Распускаются почки с треском:
Чуть прислушайся — и замри,
Лужи с солнцем поспорят блеском,
Бестревожны цвета зари.

По асфальту метут метлою
Всю защитную кожуру,
Что мешает во время зноя
На июльском сухом ветру.

Будто осень, цветут апрели,
Ошалевшие от дождей,
Все томительней птичьи трели,
Утешающие людей.

* * *

**Береза черными ветвями
Стремится окна распахнуть,
Стучит в стекло, качает раму,
Пытаясь в спальню заглянуть.**

**Береза лезет в разговоры
Мои — с самим собой впотьмах,
Подслушанные эти споры
Запутались в ее ветвях.**

**Все заглушает шелест, лепет
Той разговорчивой листвы,
Которая приводит в трепет
Меня в преддверии Москвы.**

★ ★ ★

Она ко мне приходит в гости
По той параболе комет,
Оставя падающий косо
Рассеивающийся свет.
Ей надо быть моей средою,
Как та воздушная среда,
Среда, которой я не стою,
Да и не стоил никогда.
Но в мире преувеличенья
В обличье сказок и легенд
Она сама была леченьем,
Вполне химический агент.
Оставя на моей бумаге
Едва заметный, легкий след,
Как тайнопись, которой маги
Заворожили свой секрет.
Как те бесцветные чернила,
Проявленные на огне,
Остатки жизненного пыла,
Несвойственного нынче мне.

Летний город спозаранку
Проступает сквозь туман,
Как чудовищная гранка,
Свеженабранный роман.

Город пахнет той же краской,
Что газетные листы,
Неожиданной оглаской,
Суеверьем суеты.

И чугунные заборы
Знаменитого литья —
Образцы шрифтов набора
И узоров для шитья.

Утро все — в привычном чтенье
Зданий тех архитектур,
Что знакомы поколениям
Лучше всех литератур.

Не измерена часами
Служба важная моя,
И лесными голосами
Приглашен к бумаге я.

Отвергаю все приметы
В подготовке новых строк,
Поэтической диеты
Ограниченный паек.

Прославляю не расчеты,
Все расчеты — пустяки!
Неожиданность работы,
Озаренье — и стихи!

★ ★ ★

В зимней шапке не случайно
Я приехал в этот край,
Постигая Ялты тайны,
Ненадежный здешний рай.

Я надел тулуп нагольный
И с тулупом на плечах
Чувствовал себя привольно
В белых ялтинских лучах.

Опыт лиственниц посвыше,
Чем какой-то кипарис;
Когда лиственница дышит,
Ветви ходят вверх и вниз.

★ ★ ★

**На земле полуостров Крыма —
Птичьих стай перелетный пункт.
Все крылатое — мимо, мимо! —
Бесконечен воздушный путь.**

**Это трасса для всех пернатых,
Всех пернатых со всей земли,
Путешественников крылатых,
Что коснулись земной пыли.**

**Я улавливаю опереньем
Направление ста ветров,
Предназначенных для паренья,
Обеспечивающих кров.**

ЯЛТА

Бывали горы и повыше,
Была покруче крутизна.
Когда сползал с Небесной Крыши —
Сползал без отдыха и сна.

Бывали горы и покруче,
Но — опытнейший скалолаз —
Я не спускал с нависшей тучи
Усталых,
воспаленных глаз.

ГЕФЕСТ

**В ущелье пышут горы,
Я раздуваю мех,
Ворочаюсь проворно
И слышу грома смех.**

**Любая спецзакалка
Доступна кузнецу,
Слюны ему не жалко,
Лесному мудрецу.**

**Все качества азота
Он знает там без книг,
Кипит его работа,
Заполнен каждый миг.**

**Добавит в воду масло
И выльет молоко,
Чтоб пламя не погасло
И сталь ковать легко.**

**Молотобойца место
Я в кузнице достал,
Кувалдой у Гефеста
Машу, мягчу металл.**

**Волшебным молоточком
Стучит хромой кузнец,**

**Оттяжка и отточка
Подков, Гвоздей, Сердец.**

**Звенит, дымит поковка,
Стучит кузнец-мудрец.
Железо свито ловко
И стынет наконец.**

★ ★ ★

Поэзия — не дело вкуса! —
Квалифицированный труд
В наисегодняшнем искусстве,
Представленный на строгий суд

Сегодняшних, а не грядущих
Искателей живой воды,
Что ловят впереди идущих
Меняющиеся следы,

И — не имеющая тайны,
Открытая себе самой,
Приподнятая мощной дланью
С постели бога огневой

И сунутая в повседневность,
В заботы сельской суеты,
Где ищут мертвую царевну
И клена падают листья.

Ее тавро и иероглиф
{Частотный попросту словарь} —
Случайно пущенный в дороге
Простой садовый инвентарь.

**Возделывающая те же нивы,
Что и Вергилий и Назон,
Выращивающая те же сливы
По многу раз в один сезон!**

★ ★ ★

Коктебель невелик. Он родился из книг,
Из проложенной лоции к счастью.
Кормчий Кафы поймал ослепительный миг
И причалил, ломая ненастье.

Он направил корабль по весенней луне,
Уловив силуэт Кара-Дага,
Он направил корабль по осенней волне
С безмятежной, бесстрастной отвагой.

Этот профиль луны на земле засечен
При создании нашей планеты,
Магматическим взрывом в науку включен,
И на лоции пойман, и людям вручен,
Словно дар фантазера-поэта.

Пусть потом за спиной и бурлит океан
И волнуется нетерпеливо,—
Гаснет боль от телесных, душевных ли ран
В этом ярко-зеленом заливе.

И пускай на луне уж давно луноход,
А не снасть генуэзского брига,
И в историю вложен ракетный полет —
Космографии новая книга,—

**Никогда, никогда не забудет земля,
Что тогда, в штормовую погоду,
Лишь по лунному профилю ход корабля
Он привел в эту малую воду.**

★ ★ ★

Планёрское — мое название,
А не «Долина синих скал»,—
Я не платил татарской дани
За звук арабских придыханий,
Когда мечту свою искал.

Все Коктебели, Коксагызы
Отступят пред тобой, планёр,
Что ищет путь воздушной визы
В волне феодосийских бризов,
Воздушных ям, воздушных нор.

Важней завета Магомета
Природы новое лицо
И притяжения планеты,
Что душит нас с начала света,
Разорванное кольцо.

Не «Королева» — К о р о л ё в а
Назвать хотелось бы утес:
Топонимической основой,
Топонимической обновой
Поправки век двадцатый внес.

**Стекло обледенело,
Блестит резная запись,
В ночной метели белой
Скитается анапест.**

**Летят снежинки-строфы,
Где ямбы и хорей,
Как блестящие катастрофы,
Разгрома в эмпирее.**

**Их четкое строенье
Еще с времен Гомера —
Точь-в-точь стихотворенье
Старинного размера.**

**Един закон сцепленья,
Симметрии вселенной,
Сложенья и деленья
И четкости отменной.**

**Снег падает устало,
Снежинки давят плечи,
Стихи — это кристаллы,
Кристаллы нашей речи.**

★ ★ ★

**Хранитель языка —
Отнюдь не небожитель,
И каждая строка
Нуждается в защите.**

**Нуждается в тепле
И в меховой одежде,
В некрашеном столе
И пламенной надежде.**

**Притом добро тепла
Тепла добра важнее.
В борьбе добра и зла
Наш аргумент сильнее.**

БЛОК

Позвякивая монистом,
Целуя цыганок персты,
Дорогой знакомой, тернистой
Блок шел сквозь мираж суеты.
Все зори его, все закаты,
Они одноцветны — желты,
«Двенадцати» резки плакаты,
Матросы, как фрески, чисты.
Менялись на женщинах лица,
И в вечность летящий рысак
В глухих переулках столицы
Замедлил свой бег и свой шаг.
Рысак был конем Фальконета
И Пушкина родствен перу...
Достойно вмешаться поэту
В такую большую игру.

**Своими, своими руками
По Питеру в пятом году
Блок нес это красное знамя,
Что после воспето стихами
В поэмы метельном чаду.**

**Он сам — тот Христос с красным флагом,
Двенадцать матросов за ним
Патрульным размеренным шагом,
Стихию смиряющим шагом,
Прошли через вьюгу и дым.**

ИНСТРУМЕНТ

До чего же примитивен
Инструмент нехитрый наш:
Десть бумаги в десять гривен,
Торопливый карандаш —
Вот и все, что людям нужно,
Чтобы выстроить любой
Замок, истинно воздушный,
Над житейскою судьбой.
Все, что Данту было надо
Для постройки тех ворот,
Что ведут к воронке ада,
Упирающейся в лед.

АНДЕРСЕН

**Он обойдет моря и сушу —
Весь мир, что мелок и глубок,
Людскую раненую душу
Положит в сказочный лубок.**

**И чтоб под гипсовой повязкой
Восстановился кровоток,
Он носит радостную сказку,
Подвешенную на платок,**

**Лечение так умно и тонко:
Всего целебней на земле
Рассказ про гадкого утенка
И миф о голом короле.**

ФОРТИНБРАС

**Ходят взад-вперед дозоры,
Не сводя солдатских глаз
С дальних спален Эльсинора,
Где ночует Фортинбрас.**

**Здесь фамильные портреты,
Притушив тяжелый взгляд,
Поздней ночью с датским ветром
Об убийстве говорят.**

**В спальне тихо скалит зубы
Победитель Фортинбрас
И сует усы и губы
В ледяной прозрачный квас.**

**Он достиг заветной цели,
Все пред ним склонилось ниц,
И на смертных спят постелях
Восемь действующих лиц.**

**Он не верит даже страже,
Сам выходит на балкон,
И готов с любым миражем
Завести беседу он.**

**Он не будет слушать глупых
Увещаний мертвеца,**

**Что ему наследство трупов,
Страсти сына и отца!**

**Что ему цветы Офелий,
Преступления Гертруд!
Что ему тот еле-еле
Сохранивший череп шут!**

**Он не будет звать актеров,
Чтоб решить загадку ту,
То волнение, в котором
Скрыла жизнь свою тщету.**

**Больше нет ни планов адских,
Ни высоких скорбных дум.
Все спокойно в царстве Датском,
Равнодушен моря шум.**

**Ходят взад-вперед солдаты,
В замке тишь и благодать.
Он отстегивает латы,
Опускаясь на кровать.**

* * *

Для поэта — нет запрета!
Эскимосская рука
В гранях этого предмета
Из моржового клыка.

Эту подлинность природы
Засвидетельствовать мог,
Первобытную культуру
Просеивая сквозь песок,

Только ты, наш антрополог,
Археолог, скульптор тож,—
Приберег для книжных полок
Века древнего чертеж.

* * *

Извлекаются грудами
Вещи палеолита:
Производства орудия
И орудия быта.

Неожиданно крошечны
Те скребки и рубила,
Их кремневые ложечки,
Высекавшие были,

**Статуэточки малые
Твердо держатся в пальцах,
Мастерство небывалое
В пальцах неандертальца.**

**Раньше века железного,
В веке кости и камня
Они дышат поэзией
Глубины самой давней.**

*** * ***

**Палочка мягче кости,
Палочка — не металл,
Как бы тогда с погоста
Прошное ты достал!**

**Крошечной лопаткой
Трогает век человек —
Тот, древнекаменной кладки,
Палеолитовый век.**

**Твердым и легким усилием
Вскрыта веков душа.
В палочке скрыта сила,
Сила карандаша.**

МАДОННА ПАЛЕОЛИТА

**Наша судьба-надежда
Перед судьбой-пургой
Женщина в меховой одежде
Вместо богини нагой.**

Выползла из пещеры
Прямо на звездный свет,
Как меховая Венера,
Сея искусства свет.

В капоре, в грубой шубе
Счастья земного ждет,
Только открыты губы,
Дышит один лишь рот.

То не мадонна Литта,
Славимая в стихах,—
Мадонна палеолита,
Женщина в мехах.

* * *

Мальта, крестоносный остров,
Средиземноморский Крит,—
Не на них в открытках острых
Путь в историю открыт.

Наша Мальта — под Иркутском,
Приангарская вода
Первобытное искусство
Промывает без труда.

* * *

Эти сколы древней школы
Делал австралопитек,
Делал сколы в час веселый,
Чтоб учился человек.

**Это вы — кремень и яшма,
Безотказный инструмент —
Разрубили мир тогдашний
На период, век, момент...**

**Нетрудно изучать
Игру лица актера,
На ней лежит печать
Зубрежки и повтора.**

**И музыка лица,
Послушных мышц движенье —
То маска подлеца,
То страсти выраженье.**

**Актер поднимет бровь
Испытанным приемом,
Изобразит любовь
Или разлуку с домом.**

**Сложней во много раз
Лицом любой прохожий,
Не передать рассказ
Его подвижной кожи.**

**Случайное лицо,
Где всё — полунамеком...
Морщинное кольцо,
Не замкнутое током.**

**Понятны лесть и месть,
Холопство и надменность,
Но силы нет прочесть
Лица обыкновенность.**

★ ★ ★

**Не спеши увеличить запас
Занесенных в тетрадь впечатлений,
Не лови ускользающих фраз
И пустых не веди наблюдений.**

**Не ищи, по следам не ходи,
Занимайся любой работой,—
Сердце сразу забьется в груди,
Если встретится важное что-то.**

**Наша память способна сама
Привести в безупречный порядок,
Все доставить тебе для письма,
Положить на страницы тетрадок.**

**Не смутись,— может быть, через год
Пригодится такая обнова:
Вдруг раскроется дверь и войдет
Долгожданное важное слово.**

* * *

**Листок дубовый — как гитара,
И сотни тысяч тех гитар
Трясут изорванный и старый
Незасыпающий бульвар.**

**Притихший город пышет зноем
И жадно дышит тишиной.
А тишина — она иное,
Чем все земное, даже в зной.**

**Как мне минор шумящих листьев
По нотной лестнице вести,
Каких держаться скользких истин
В таком запутанном пути?**

**Как звать пейзаж в литературу
И душу дуба оживить,
Как драть с живого дуба шкуру
И сердце с ним соединить?**

**Быть может, проще слушать пеньё
Без кисти, без карандаша.
И как награда за терпеньё
Его откроется душа.**

Измерены звездные леты
И карты миграции птиц,
Разгаданы неба секреты
И лоции дальних границ.
Известны пути возвращенья
К родимому дому, гнезду,
Земля по закону вращенья
Приводит на ту же звезду.
А мне не пришлось возвратиться,
Родную пощупать траву,
Я не перелетная птица.
Я около дома живу.

★ ★ ★

Этот дождик городской,
Низенький и грязный,
О карниз стучит рукой,
Бормоча несвязно.

Загрохочет, будто гром,
И по водостокам
Обтекает каждый дом
Мусорным потоком.

Дождь — природный хлебороб,
А совсем не дворник —
Ищет ландышевых троп
Среди улиц черных.

Отойти б на полверсты
От застав столицы,
Распрямить, шутя, цветы
Алой медуницы...

Мне бы тоже вслед за ним
Пробежать по гумнам —
За высоким, за прямым
И вполне бесшумным.

★ ★ ★

Рассвет выходит на работу,
Чтоб, никого не разбудя,
Тереть железные ворота
Сырыми щетками дождя.

И дождь ползет, как мокрый бредень,
По улице, как по реке,
А утро двигается следом
С зажженной лампою в руке.

И, укрепив ее повыше,
Пока туманно и темно,
Осушит утро нашу крышу
И заблестевшее окно.

И я присутствую при этом,—
Забыв несмятую кровать,
В дверях столкнулся я с рассветом
И помогаю солнцу встать.

★ ★ ★

На небе бледно-васильковом,
Как облачко, висит луна,
И пруд морозом оцинкован
И стужей высушен до дна.

Здесь солнце держат в черном теле,
И так оно истощено,
Что даже светит еле-еле
И не приходит под окно.

Здесь — вместо детского смятенья
И героической тщеты —
Одушевленные растенья,
Деревья, камни и цветы...

РАННЯЯ ОСЕНЬ

**Ты смутишься, ты заплачешь,
Ты загрезишь наяву,
Ты души уже не спрячешь —
По-июльскому — в траву.**

**И в лесу светло и пусто,
Своды неба высоки,
И листья свои капуста
Крепко сжала в кулаки.**

**Раскрасневшаяся осень
Цепенеет на бегу,
Поскользнувшись на откосе
В свежевывавшем снегу.**

★ ★ ★

**В ладоши вязаы бьют тревогу
И воду пьют.
И тополь в зимнюю дорогу
Пьет, как верблюд.**

**И, перейдя пески пустыни,
Снегов пески,
Он улыбнется снова синей
Воде реки.**

★ ★ ★

**Суверен я иль нет — не знаю,
Но рубаху белую свою
Чистую на счастье надеваю,
Как перед причастьем, как в бою.**

**Асептическая осторожность —
Древняя примета разных стран,
Древняя заветная возможность
Уцелеть после опасных ран.**

* * *

**Не удержал усилием пера
Всего, что было, кажется, вчера.**

**Я думал так: какие пустяки!
В любое время напишу стихи.**

**Запаса чувства хватит на сто лет —
И на душе неизгладимый след.**

**Едва настанет подходящий час,
Воскреснет все — как на сетчатке глаз.**

**Но прошлое, лежащее у ног,
Просыпано сквозь пальцы, как песок,**

**И быль живая поросла быльем,
Беспамятством, забвеньем, забытьем...**

★ ★ ★

Девять прачек на том берегу
Замахали беззвучно руками,
И понять я никак не могу,
Что у прачек случилось с руками.

Девять прачек полощут белье.
Состязание света и звука
В мое детство, в мое бытие
Ворвалось как большая наука.

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья.

**Огонь — кипрей! Огонь — заря!
Костер, внесенный в дом.
И только солнце января
Не смеет быть огнем.**

**Оно такое же, как встарь,
Внесенное в тайгу,
Оно похоже на янтарь,
Расплавленный в снегу.**

**А я — как муха в янтаре,
В чудовищной смоле,
Навеки в этом январе,
В прозрачной желтой мгле.**

* * *

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.

Я сам — подобье хрупких раковин
Былого высохшего моря,
Покрытых вычурными знаками,
Как записью о разговоре.

Хочу шептать любому на ухо
Слова давнишнего прибоя,
А не хочу закрыться наглухо
И пренебречь судьбой любою.

И пусть не будет обнаружена
Последующими веками
Окаменевшая жемчужина
С окаменевшими стихами.

Ощутил в душе и теле
Первый раз за много лет
Тишину после метели,
Равномерный звездный свет.

Если б пожелали маги
До конца творить добро,
Принесли бы мне бумаги.
Спички. Свечку. И перо.

★ ★ ★

Вечерний холодок,
Грачей ленивый ропот —
Стихающий поток
Дневных забот и хлопот.

Я вижу, как во сне,
Бесшумное движенье,
На каменной стене
Влюбленных отраженье.

Невеста и жених,
Они идут как дети,
Как будто кроме них
Нет никого на свете.

ГРАД

Я включу моторы грома —
Искры в воздухе блеснут,
И на облаке до дома
Мы доедем в пять минут.

Покружим чуть-чуть повыше
Голубиных областей
И замрем над нашей крышей,
Крышей бури и страстей.

И по этой ближней цели
Без прицела бьет и бьет
Наподобие шрапнели
Разлетающийся лед.

СИРЕНЬ

**Пузырчатая пена
Течет через плетень.
Как вспышка автогена —
Лиловая сирень.**

**Мне кажется, не спать я
И сызнава готов
От влажного пожатья
Разбуженных кустов.**

**Как факел, поднимаю
Дымящийся букет,
Чтоб синей ночью мая
Горел лиловый свет.**

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Уж на сухой блестящей крыше
Следа, пожалуй, не найдешь,
Он, может быть, поднялся выше,
Глубоко в небо, этот дождь.

Нет, он качается на астрах,
В руках травянок на весу,
Тоится он у темных застрех,
Дымится, как туман, в лесу.

Его физические свойства
Неуловимы в этот миг,
И им свершенное геройство
Мы стрицаем напрямик.

И даже мать-земля сырая
И даже неба синева
Нам вторят, воясе забывая
Дождя случайные слова.

ПАСТОРАЛЬ

Большое стадо серых коз,
Еще лоя лучи заката,
Переместилось на откос,
Покрытый глиной синеватой.

И красногрудая овца,
Потая, точно балерина,
Все скачет, скачет без конца
Вокруг открытого овина.

Вот бык — египетский святой,
Чья шея точно у лягушки.
Любуясь бычьей красотой,
Ждут на опушке две подружки.

Вода пруда покой хранит,
Давно свои разгладив складки:
Она похожа на гранит
Как бы палеозойской кладки.

А солнце шарит по углам
И нежно, с грацией природной
Вдруг закрывает веки нам
Своим лучом, почти холодным.

★ ★ ★

Не лес — прямой музей.
И лиственницы шорох
Для всех моих друзей —
Предмет научных споров.

Достаточно ль стара
Музейная фигура,
Ровесница Петра —
Железная натура.

Ей зрелость — триста лет,
Даурская порода,
Я знаю здешний свет
Не хуже лесоведа.

В стране пурги и льда
Рублю ее я смело:
Она ведь молода,
Годна еще на дело.

★ ★ ★

Я, как рыба, плыву по ночам,
Поднимаясь в верховья ключа.

С моего каменистого дна
Мне небес синева не видна.

Я не смею и двинуться дном
Разговорчивым, сумрачным дном.

И, засыпанный донным песком,
Не могу шевельнуть плавником.

Пусть пугает меня глубина,
Я, пока пролетает волна,

Постою, притаившись в кустах,
Пережду набегающий страх.

Так, течению наперерез,
Поднимаюсь почти до небес,

Доплыву до истоков реки,
До истоков моей тоски.

* * *

Иногда в одиноком походе
Рукавичка — и то тяжела!
Или даже при зимней погоде
Рукавичка не держит тепла.

И таит непомерную тяжесть
Принесенный с земли карандаш,
Карандаш, поднимаемый даже
На плечах на десятый этаж.

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,—

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распорядженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь

**То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.**

**Эти точные движенья,
Позабытые давно,—
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.**

★ ★ ★

Кто-то сердце крепко стиснет,
Окунет в огонь, в жару,
Ледяные волны Стикса
Преграждают путь перу.

Поразит меня, как лазер,
Обжигающ и колюч,
Оборвет на полуфразе
Невидимка — смертный луч.

Я присяду у порога,
Острый отразив удар,
Понемногу, понемногу
Отобьюсь от смертных чар.

И, уняв сердцебиенье,
Обманув судьбу мою,
Одолев оцепененье,
Продолжать свой путь встаю.

★ ★ ★

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

Не будет в жизни боле
Строительных контор,
Починки старой боли,
Крепления опор.

Моя архитектура
От шкуры до нутра
Во власти штукатура,
Под игом маляра.

И плотничьи заплаты
На рубище певца —
Свидетельство расплаты
С судьбою до конца.

От кухни и передней
По самый горизонт
Идет ремонт последний,
Последний мой ремонт.

СЕСТРЕ

Ты — связь времен, судеб и рода,
Ты простодушна и щедра
И равнодушна, как природа,
Моя последняя сестра.

И встреча наша — только средство,
Предлог на миг, предлог на час
Вернуться вновь к залогам детства —
Игрушкам, спрятанным от нас.

Мы оба сделались моложе.
Что время! Дым! И горе — дым!
И ты помолодела тоже,
И мне не страшно быть седым.

★ ★ ★

Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам,
Оглушенными бурей стихами
Исповедуюсь истово сам.

И в моей разговорной тетради
Место есть для немногих страниц,
Там, где чуда поэзии ради
Ждут явленья людей, а не птиц.

Я пойму тебя по намеку,
По обмолвке на стертой строке,
Я твой замысел вижу глубокий
По упорству в дрожащей руке.

Дошепчи, доскажи, мой товарищ,
Допиши, что хотел, до конца
Черным углем таежных пожарищ
При лучине любого светца.

Чтоб, отбросив гусиные перья,
Обнажить свою высшую суть
И в открытые двери доверья
Осторожно, но твердо шагнуть.

**Как Бетховен, цветными мелками
Набиваю карман по утрам.
Раскаленными угольками
Они светятся по ночам.**

ПУШКИНСКИЙ ВАЛЬС ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ

**Зачем он очарован
Натальей Гончаровой!
Зачем ему так дорог высший свет!**

**Ему бы в секунданты
Шекспира или Данта —
Дантеса отвели бы пистолет.**

**Зачем ясна погода
Романовым в угоду!
Зачем не поднимается метель!**

**Метели бы летели
Препятствовать дуэли,
Любую загораживая цель.**

**Зачем мелки масштабы,
Зачем так люди слабы!
Зачем здесь не явился Аполлон!**

**Потребовал поэта
К священной жертве света,—
Не он сейчас потребовал, не он...**

НАЧАЛО МЕТЕЛИ

Вот опять нагибаются тучи
И — пройдет, может быть, полчаса —
Будут биться в припадке падучей,
Поднимая леса в небеса.

И похож на растянутый парус
Этот ветром оглаженный наст,
Штормовая знакомая ярость
Разгорается около нас.

Я уйду по разломанной кромке,
Зазвенит позолоченный снег,
И негромко засвищет поземка,
Убыстря свой радужный бег.

ИЗ СТРОФ О ФЕТЕ

Я вышел в свет дорогой Фета,
И ветер Фета в спину дул,
И Фет испытывал поэта,
И Фета раздавался гул.

В сопровождении поэта
Я прошагал свой малый путь,
Меня хранила Фета мета
И ветром наполняла грудь.

На пушке моего лафета
Не только Пушкина клеймо,
На нем тавро, отмета Фета,
Заметно Фетово письмо.

Нет мелочей в пере поэта,
В оснастке этого пера:
Для профессионала Фета
Советы эти — не игра.

Микроудача микромира
Могла в движенье привести,
Остановить перо Шекспира
И изменить его пути.

**...Хочу заимствовать у Фета
Не только свет, не только след,
Но и дыханье, бег поэта,
Рассчитанный на много лет.**

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

**Классик мелодекламаций,
Мастер тонкого письма,
Бедным рыцарем скитался.
Тяжела судьбы сума.**

**Слишком был тогда не к месту
Умирующий романс,
Жанру, жанру нету места,
Если вышел в путь роман.**

**Слишком был тогда не моден
Голенищева пиджак,
Обращения к природе
Осуждал любой и всяк.**

**Не найдя сочувствия Блока
По романсовым делам,
Он ошибся так жестоко,
Как жесток в романсе сам.**

**Не был пухлым, как Апухтин,
Он, отшельник и аскет,
В петербургской где-то бухте
Принял тихо смерти свет.**

**Он не проявил беспечность,
Крепко вывязал строку,
Подстерег он все же вечность,
Вечность на своем веку.**

ПОЭТ

Он из окòn своей квартиры
С такой же силой, как цветы,
Вдыхает затхлый воздух мира,
Удушье углекислоты.

Удушье крови, слез и пота,
Что день-деньской глотает он,
Ночной таинственной работой
Переплавляется в озон.

И, как источник кислорода —
Кустарник, чаща и трава,
Растут в ночи среди народа
Его целебные слова.

Нам все равно — листы ли, листья,—
Как называется предмет,
Каким — не только для лингвистов —
Дышать осмелился поэт.

Не грамматические споры
Нас в эти чащи завлекли —
Глубокое дыханье бора
Целительницы земли.

. . .

Орудье высшего начала,
Он шел по жизни среди нас,
Чтоб маяки, огни, причалы
Не скрылись навсегда из глаз.

Должны же быть такие люди,
Кому мы верим каждый миг,
Должны же быть живые Будды,
Не только персонажи книг.

Как сгусток, как источник света,
Он весь — от головы до ног —
Не только нес клеймо поэта,
Но был подвижник и пророк.

Как музыкант и как философ,
Как живописец и поэт,
Он знал решение всех вопросов,
Значенье всяких «да» и «нет».

И, вслушиваясь в травы, в листья,
Оглядывая шар земной,
Он встретил много новых истин
И поделился со страной.

**И, ненавидя пустословья,
Стремясь к сердечной простоте,
Он был для нас самой любовью
И путь указывал мечте.**

★ ★ ★

**Стихотворения — тихотворения,
И это — не обмолвка, нет,
Такие они с рождения,
С явленья на белый свет.**

**Стихотворения — тихотворения
И требуют тишины,
Для тонкости измерения
Длины, высоты, ширины.**

**Стихотворения — тихотворения,
Поправок, доделок — тьма!
От точности измерения
Зависит и жизнь сама.**

Мир разглядывал он зорко,
Но имел грехи:
Далевские поговорки
Портили стихи.

Мы не очень дружим с Далем,
Ибо Даль
Унесет от ближней дали
Вдаль.

Вдаль от жизни, вдаль от темы,
От живой борьбы.
Как же нам писать поэмы,
Полные судьбы!

Коварна карта марта,
Коварен месяц март:
Пурга грохочет в марте
И мягок снегопад.
Апрельские капли,
Январские снега,
Стремятся к высшей цели
Поляны и луга.
Надежна карта марта,
Затем, что каждый год
Весна стоит на старте
И ждет пути вперед.
Наследница Декарта,
Логичная весна
Ведет по карте Спарты,
Меня лишая сна.
И нет зиме возврата,
Возврата нет зиме,
И только гроз раскаты
У марта на уме.

ТАРУСА

**Карьер известняка
Районного значенья
И светлая река
Старинного течения.**

**Здесь тени, чье родство
С природой, хлебом, верой —
Живое существо,
А вовсе не химера.**

**Не кладбище стихов,
А кладезь животворный,
И — мимо берегов —
Поток реки упорный.**

**Хранилище стиха,
Предания и долга,
В поэзии Ока
Значительней, чем Волга.**

**Карьер известняка
Районного значенья
И светлая река
Старинного течения.**

Какая в августе весна!
Кому нужна теперь она!
Ведь солнце выпито до дна
Листовою, пьяной без вина.
Моя кружится голова,
И пляшет пьяная листва.
Давно хрупка, давно желта
Земная эта красота,
И ходит вечер золотой
В угрюмой комнате пустой.
И осень бродит во дворе
И шепчет мне о сентябре.
Гляжу на наши небеса —
Там невозможны чудеса.
Давно уж темной пеленой
Покрыто небо надо мной,
И с небосвода дождик льет,
И безнадежен небосвод,
И осень, видно, из нерях
И мной задержана в дверях.
Таких не видывал грязнень
Прошедший солнечный июль.
И если б я хотел и мог,
Я б запер двери на замок.
Не может время мне помочь
Обратно лето приволочь.
И все же в сердце зажжена
Весна.

★ ★ ★

**Дожди порой смывают горы
И разрушают города.
Но режет на камнях узоры,
Предупреждая нас, вода.**

**Напишет не спеша, не сразу
О том, что подступает зло,
Вода, подобная алмазу,
Прорежет камень, как стекло.**

**И неба замыслы открыты,
И сам хранитель городов
С водой небес вступает в битву
И победить ее готов.**

РАЗВЕДКА

**Бродить, соскальзывать со скал,
В ручьях отыскивать приметы,
Какими славится металл,
Покровом каменным одетый.**

**В тайге откапывая клад,
Скрести настойчивой лопатой,
Искать на ощупь, наугад
Приметы россыпи богатой.**

**И по распадкам бить шурфы.
И рвать рубашку торфяную
С земли — для будущей строфы
Вести разведку россыпную.**

**Пускай речной песок глубок,
Пускай пуста за пробой проба —
Ты свой старательский скребок
Готов нести с собой до гроба.**

**Пусть ослабевшая рука
Лопату выронить готова,
Пускай усталость велика —
Умей начать свой поиск снега.**

**И, у ручья остановясь,
Лотком зачерпывая воду,**

**Смывай всю каменную грязь,
Всю бессловесную породу.**

**Еще победа далека,
Но светлым знаменьем улова
Тебе блеснет на дне лотка
Крупица золотого слова.**

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА РИФМЫ

Л. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красы.

Ты — сближенье мысли с песней,
Но, в усилиях вековых,
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром будет случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — волшебная наука
Знать, что мир в себе хранит.
Ты — подобье ультразвука,
Сверхчувствительный магнит.

**Ты — разведки вдохновенной
Самопишущий прибор,
Отразивший всей вселенной
Потаенный разговор.**

**Ты — рефлекс прикосновенья,
Ощущенье напоказ,
Сотой долею мгновенья
Ограниченный подчас.**

**Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязаеть иногда.**

**И, сменяя звуки, числа,
Краски, лица, облака,
Озаришь глубоким смыслом
Озаренье пустяка.**

**Чтоб достать тебе созвучья,
Скалы колются в куски,
Дерева склоняют сучья
Поперек любой строки.**

**Все, что в памяти бездонной
Мне оставил шар земной,
Ты машиной электронной
Поднимаешь предо мной.**

**Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространство, все века
Уловила рифма эта,
Зарожденная строка.**

**Позодырь слепого чувства,
Палка, сунутая в тьму,
Чтоб нащупать путь искусству
И уменью моему.**

У КРЫЛЬЦА

**У крыльца к моей бумаге
Тянут шеи длинные —
Вопросительные знаки —
Головы гусиные.**

**Буквы приняли за зерна
Наши гуси глупые,
Та ошибка не зазорна
И не так уж грубая.**

**Я и сам считаю пищей,
Что сюда накрошено,
Что в листок бумаги писчей
Неумело брошено.**

**Все, что люди называли
Просто — добрым семенем,
Смело сеяли и ждали
Урожай со временем...**

★ ★ ★

Мой день расписан по минутам,
А также — ночь.
Но лишь к душе подступит утро —
Заботы прочь!

Прочь этот ворох старых писем.
Их шорох — гром,
Где ряд необходимых истин
Добыт с трудом.

Прочь эти детские забавы —
Род шелухи,
Отвергнуть их имею право,
Но не стихи.

СЛЕЗА

Ты горячей, чем капля пота,
Внезапная моя слеза,
Когда бегущая работа
Осажена на тормоза.

И в размышленьях о бывалом,
И в сожаленьях о былом
Ты в блеске силы в мире малом
И мера слабости — в большом.

Ты можешь во мгновение ока
С ресниц исчезнуть без следа.
Да, ты скупа, горька, жестока,
И ты — не влага, не вода.

Ты — линза для увеличенья
Невидимых доселе тел.
Ты — не примета огорченья,
А удивления предел.

ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА

**Мне кажется: овес примят
Руками длинной тени
От разломавшей палисад
Разросшейся сирени.**

**Я выверить хочу часы
По розовому свету
Тяжелой радужной росы
На листьях бересклета,**

**По задымившейся земле
В обочинах овражин,
По светоносной легкой мгле,
Приподнятой на сажень.**

**Я выверить хочу часы
По яростному свисту
Отбитой заново косы
В осоке серебристой,**

**По хриплой брани пастуха,
Продрогшего в тумане,
По клокотанию стиха
В трепещущей гортани.**

★ ★ ★

Я на спину ложусь
И вместе с целым светом
Я по́солонь кружусь
Веселым этим летом.

Кругом меня — леса,
Земля же — за спиною.
Кривые небеса
Нагнулись надо мною.

Уже моя рука,
Дрожа нетерпеливо,
Вцепилась в облака,
В щетину конской гривы.

Я будто волочу
Весь мир сейчас с собою
И сызнава хочу
Зажить его судьбою.

СОДЕРЖАНИЕ

Стеклодувы	5
«Уступаю дорогу цветам...»	6
«Московская толчея...»	7
«Как мало струн!..»	8
Живопись	9
«Я поставил цель простую *...»	11
Над старыми тетрадами *	12
«Не чеканка — литье...»	13
«Стоял я тихо возле скал...»	14
Лечебный метод	15
Заметки об охране природы	17
«Ветер по насту метет семена...»	20
«Тайга — молчальница от века...»	21
«Я выходил на чистый воздух...»	23
«Дым — это юрта!..»	24
Картограф	25
«Как сердечный больной...»	27
Луноход	28
Воспоминание о ликбезе *	30
Поворот сибирских рек	32
Индигирка	35
Топор	37
«Весь гербарий моей страны...»	38
Амундсену	39

Гнездо орлицы *	40
«Мне снова жажда вяжет губы...»	41
«Не суеверием весны...»	42
Камея *	43
«Стихи — это боль, и защита от боли...»	44
Виктору Гюго *	46
«Читать стихи, сбиваться с шага...»	47
«Стулья — ненужная мебель...»	48
«Я вызываю сон любой...»	49
«Моя мать была дикарка...»	50
«Мизантропического склада...»	52
«Где роса, что рукою сотру...»	53
«Он многословен, как Гомер...»	54
«Распускаются почки с треском...»	55
«Береза черными ветвями...»	56
«Она ко мне приходит в гости...»	57
«Летний город спозаранку...»	58
«Не измерена часами...»	59
«В зимней шапке не случайно...»	60
«На земле полуостров Крыма...»	61
Ялта	62
Гефест	63
«Поэзия — не дело вкуса!..»	65
«Коктебель невелик...»	67
«Планёрское — мое названье...»	69
«Стекло обледенело...»	70
«Хранитель языка...»	71
Блок	72
«Своими, своими руками...»	73
Инструмент	74
Андерсен	75
Фортинбрас	76
Памяти антрополога Герасимова	
«Для поэта — нет запрета!..»	78

«Извлекаются грудами...»	78
«Палочка мягче кости...»	79
Мадонна палеолита	79
«Мальта, крестonosный остров...»	80
«Эти сколы древней школы...»	80
«Нетрудно изучать...»	82
«Не спеши увеличить запас...»	84
«Листок дубовый — как гитара...»	85
«Измерены звездные леты...»	86
«Этот дождик городской...»	87
«Рассвет выходит на работу...»	88
«На небе, бледно-васильковом...»	89
Ранняя осень	90
«В ладоши вязаы бьют тревогу...»	91
«Суеверен я иль нет — не знаю...»	92
«Не удержал усилием пера...»	93
«Девять прачек на том берегу...»	94
«Огонь — кипрей!..»	95
«Я вроде тех окаменелостей...»	96
«Ощутил в душе и в теле...»	97
«Вечерний холодок...»	98
Град	99
Сирень	100
После дождя	101
Пастораль	102
«Не лес — прямой музей...»	103
«Я, как рыба, плыву по ночам...»	104
«Иногда в одиноком походе...»	105
Память *	106
«Кто-то сердце крепко стиснет...»	108
«От кухни и передней...»	109
Сестре	110
«Как Бетховен, цветными мелками...»	111
Пушкинский вальс для школьников	113

Начало метели	114
Из строф о Фете	115
Голенищев-Кутузов	117
Поэт	119
«Орудье высшего начала...»	120
«Стихотворения — тихотворения...»	122
«Мир разглядывал он зорко...»	123
«Коварна карта марта...»	124
«Дождь редкий...»	125
Таруса	126
«Какая в августе весна?..»	127
«Дожди порой смывают горы...»	128
Разведка *	129
Некоторые свойства рифмы *	131
У крыльца	134
«Мой день расписан по минутам...»	135
Слеза *	136
Шесть часов утра	137
«Я на спину ложусь...»	138

Варлам Тихонович Шаламов

ТОЧКА КИПЕНИЯ

М., «Советский писатель», 1977, 144 стр.
План выпуска 1977 г. № 188

Художник *Е. А. Трофимова*

Редактор *В. С. Фогельсон*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Т. С. Казовская*

Корректор *А. В. Полякова*

ИБ № 627

Сдано в набор 31/III 1977 г. Подписано к печати 29/VI 1977 г. А09505. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 6,3. Уч-изд. л. 3,19. Тираж 20 000 экз. Заказ № 273. Цена 34 коп. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109